

© 1998 г. Л.Э. КАЛНЫНЬ

**ВКЛЮЧЕНИЕ ДИАЛЕКТИЗМОВ В ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ
КАК РАЗНОВИДНОСТЬ КОНТАКТА МЕЖДУ ДИАЛЕКТНОЙ
И ЛИТЕРАТУРНОЙ ФОРМАМИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

В применении к русской языковой ситуации контакт между литературным языком и территориальными диалектами и его последствия рассматриваются в основном с точки зрения воздействия литературного языка на диалекты. Это воздействие программируется языковой политикой, ориентированной на распространение кодифицированного стандарта в максимально широких слоях общества. В идеале конечной целью такой политики видится устранение варьирования форм языка в обществе – в языковой экспликации каждого его члена исключается любая внеязыковая информация о говорящем (связь с определенной территорией, генерацией, профессией, уровнем образования и др.). Для носителей диалектов это означает замену одного языкового стереотипа другим. Эффективность подобной языковой политики во многом зависит от свойственного обществу отношения к территориальным диалектам – низкий социальный престиж диалектов способствует их нивелированию и сокращению участия в языковой жизни общества.

В русском обществе территориально ограниченные формы языка традиционно оцениваются как социально непрестижные и несовместимые с претензией на образованность. В советский период (20–30-е годы) на это наложилась политическая компрометация русских диалектов. Официально утверждалось мнение, что диалекты представляют собою языковой символ политически отсталых слоев сельского населения, противящихся политике коллективизации [Филин 1938: 127]. Социальный прогресс ассоциировался с исчезновением диалектов – именно поэтому в [История... 1961: 61] было написано, что "исчезновение русских диалектов уже свершившийся факт". Между тем реальное положение не вполне этому соответствовало, поскольку русские диалекты, как средство общения достаточно обширных территориально фиксированных групп носителей русского языка, сохраняются вплоть до настоящего времени. Диалекты проявили онтологическое свойство языкового идиома, так охарактеризованное Соссюром: "Нельзя найти в самом языке возможность прекращения его существования; только случайное событие, насилие или непреодолимая высшая сила внешнего характера могут уничтожить его" [Соссюр 1990: 17].

Диалекты, являясь компонентами русского языка, вступают в разного рода контакты с его кодифицированной формой. При этом они не только выполняют традиционную роль объекта воздействия со стороны литературного языка, но и сами при определенных условиях влияют на него.

Одним из результатов влияния одной формы языка на другую является проникновение в эту последнюю элементов первой. Влияние диалектов на литературный язык может происходить на фоне контакта между литературным языком и диалектом в рамках письменного художественного текста, в который включены элементы обеих форм языка. Этот контакт по способу реализации отличается от устного контакта. При устном контакте выбор одной из форм языка не имеет альтернативы – говорящий пользуется той формой языка, которой он владеет. В соответствии с этим, при устном контакте носителями литературного языка и диалекта являются разные лица – участ-

ники диалога, вступающие в непосредственное общение друг с другом. Иная ситуация имеет место при включении диалектных элементов в письменный текст. В этом случае носителем двух форм языка является одно лицо – это автор текста. Именно он делает выбор, при котором предпочтение отдается диалектному явлению в сравнении с его кодифицированным эквивалентом. Но поскольку текст предназначен читателю, выстраивается трехчленная линия контакта: *автор* (носитель двух форм языка) – *текст* (содержит элементы двух форм языка) – *читатель* (носитель кодифицированной формы языка). Если при устном контакте, по идеи, возможно обоюдное влияние на язык участников диалога, то при контакте, реализуемом через текст, подразумевается воздействие в одном направлении – на язык читателя. Содержащий диалектные фрагменты текст, будучи опубликован, делает контакт диалекта и литературного языка в виде сосуществования их элементов на одной плоскости частью языкового опыта каждого читателя текста на протяжении любого временного отрезка от момента его публикации. Читатель поставлен перед необходимостью принять языковой менталитет автора в том его виде, как он отражен в тексте.

Контакт диалектной и литературной форм языка в рамках художественного текста по своим последствиям отличается от устного контакта между носителями этих же форм языка.

Устный контакт/диалог – явление динамическое, для которого характерно отсутствие временного интервала между языковым намерением, его реализацией и восприятием сказанного. Как отметил Л.В. Щерба – "Сознательная группировка слов свойственна лишь письменной речи... Сознательность же обыденной разговорной (диалогической) речи в общем стремится к нулю" [Щерба 1974; 25]. Каждый речевой акт в диалоге эфемерен – реализовавшись, он в тот же момент перестает существовать, уступая место следующему акту. В этих условиях может возникнуть лишь общее оценочное отношение к речи партнера по диалогу без фиксации, тем более репродуцирования, ее специфических компонентов. Если учесть свойственную носителям русского литературного языка негативную оценку диалектной речи, то станет ясно, что литературно-диалектный диалог не может стимулировать включение диалектизмов в речевой репертуар носителей литературного языка. Говоря так, мы, конечно, не имеем в виду ситуацию, когда литературно говорящий индивидуум на долгое время попадает в диалектную среду. Следует также подчеркнуть, что в условиях диалога исключен момент непонимания, поскольку всегда доступно разъяснение со стороны собеседника.

Художественный текст, в рамках которого контактируют литературный и диалектный варианты языка, выступает как статичная, постоянная величина, способная в одном и том же виде включиться в языковой опыт большого количества носителей данного языка. Статус такого текста поддерживается авторитетом, присущим печатному слову вообще и художественной литературе в особенности. Поэтому диалектизмы в художественном тексте не вызывают однозначно отрицательную оценку. Их письменная фиксация способствует сосредоточению внимания на них, а из этого вытекает потребность понять диалектизм, осмыслить мотивы его включения в текст. В результате, диалектизмы входят в языковое сознание читателей – носителей литературного языка. Собственно, этим эксплицируется 1) воздействие языкового менталитета автора на менталитет читателя – меняется отношение к диалекту, что может способствовать расширению речевого репертуара читателя, и 2) ослабление конфронтации между диалектом и литературным языком, поскольку диалектизмы получают право наряду с кодифицированными формами участвовать в создании языковой картины текста. В то же время восприятие диалектизмов через художественный текст может сопровождаться их непониманием, которое (в отличие от устного контакта) не устраняется разъяснением со стороны диалектоносителя.

Использование диалектизмов обычно связано с описанием сельской жизни, в чем находит выражение соответствие между языком и средой его употребления. Авторы, включающие в язык своих произведений диалектные элементы, обычно берут их из

своего родного диалекта (материнской речи), тем самым проявляя определенный пистет в отношении его выразительных средств. Но такое отношение автора к родному диалекту реализуется в тексте в той мере, в какой это допускается официальной культурной/языковой политикой в данный момент в данном обществе. В русской литературе советского периода отношение к диалектизмам менялось. В 30-е годы, в соответствии с языковой политикой того времени, диалектные элементы в литературных текстах встречали отрицательную оценку, освященную, в частности, именем М. Горького. (Ср. в этой связи замечание В. Астафьева: «...поношение родного языка, особенно "диалектизмов" и всяких там областных словечек с неперменной ссылкой на статью Горького против засорения литературного языка» [Астафьев 1988: 122]). Следует отметить, что в интерпретации М. Горького борьба с диалектными элементами в языке литературы имеет идеологическое значение, что ясно коррелирует с его неприязненным отношением к русскому крестьянству (ср. "Необходима беспощадная борьба за очищение литературы от словесного хлама, борьба за простоту и ясность нашего языка, за честную технику, без которой невозможна четкая идеология" [Горький 1953: 152]). Иное отношение к включению диалектизмов в литературный текст демонстрирует литературный опыт 70–80-х годов, объединенный понятием "деревенская проза". Использование диалектизмов в литературе перестало быть подцензурным фактом и авторы, описывая жизнь и быт русской деревни, в той или иной степени привлекали диалектные формы языка.

Абстрагируясь от идеологии и официальной языковой политики, феномен включения диалектизмов в литературный текст можно оценивать с собственно лингвистической точки зрения. В общем виде это сводится к вопросу о том, как диалектизмы влияют на языковую картину литературного произведения. Владея диалектной и литературной системами, автор при написании текста стоит перед проблемой переключения кода, т.е. приведением в эквивалентные отношения тех компонентов названных систем, которые отличаются друг от друга. Включение в текст диалектного компонента может происходить на фоне решения таких входящих в понятие языковой картины конкретных вопросов, как 1) включать ли диалектизмы только в речь персонажей или также и в авторскую речь – обратное соотношение вообще невозможно, а включение только в речь персонажей свидетельствует о четком разграничении в сознании автора ресурсов диалекта и литературного языка; 2) насколько последовательно/часто надо включать в текст раз выбранную диалектную черту; 3) как не переступить тот предел, когда текст из-за своей диалектной окраски может стать непонятным для читателя, незнакомого с используемым автором диалектом.

Возможное решение этих вопросов не бывает универсальным и зависит от позиции, которую занимает конкретный автор, и от его языкового опыта. Для выяснения реальной картины мало что дают эксерпции из разных произведений. Эффективным может быть лишь рассмотрение того, как осуществляется включение диалектных элементов в литературный текст одним автором в одном произведении. Далее мы рассмотрим с этой точки зрения язык входящего в круг "деревенской прозы" романа В. Личутина "Долгий отдых" (Из-во "Современник". М., 1977; 333 с.). Действие романа происходит в первой половине XIX в. в поморской деревне вблизи реки и города Мезень. Произведение в высокой степени насыщено диалектизмами как в языке персонажей, так, хотя и в меньшей мере, в языке автора. Когда в сноске разъясняется значение диалектного слова, оно квалифицируется как принадлежащее архангельскому диалекту (пометка *арх.*). Отраженные в тексте диалектные явления фонетики и морфологии никак не комментируются.

Автор, включающий в художественный текст диалектные слова, с психологической точки зрения проявляет себя как билингв – в его сознании одному значению соответствуют "два звуковых представления. Если один из этих двух элементов слабнет случайно, временно или систематически, то другой естественно его замещает" [Щерба 1915: 193]. В этой конкуренции диалектное слово может оцениваться автором как семантически более адекватное. В этом плане показателен "метаязыковой" коммен-

тарий к соотношению литературного и диалектного слова, который дает другой автор, также описывающий поморские мезенские реалии – «*няша* – это... грунт здешний... Можно было бы, вероятно, и *илом няшу* назвать, но беспристрастный "ил" – совсем не то; и далее – "Два с половиной века, как приказано *крень* именовать *килем*, а для Паисия *крень* – до сих пор *крень*... ведь *крень-то* все-таки родное слово» [Маслов 1983: 82, 174] (курсив мой – Л.К.).

Предпочтение, отдаваемое в художественном тексте диалектизмам, ставит перед автором задачу сделать это так, чтобы не возникло проблем с пониманием смысла текста для тех, кто не владеет диалектом, в том числе и для переводчиков с языка. Наиболее очевидно это касается лексики. Осознавая это, автор может прибегать к разным способам разъяснения диалектных слов. Наиболее прямой из них – это раскрытие значения слова в с н о с к е. В романе В. Личутина такими сносками снабжены слова: *хвалёнка* (с. 13)¹, *тобоки* (15), *совик* (15), *сколотный* (19), *одевальница* (20), *поносуха* (28), *божатка* (31), *забой* (32), *домовина* (46), *костыч* (50), *плешивик* (75), *хонга* (80), *нагорные ветры* (99), *ошкуй* (99), *разволочная изба* (102), *кочедык* (118), *телдоса* (122), *шугай* (135), *вонный амбар* (114), *майна* (152), *дединка* (164), *лопатина* (173), *бурса* (191), *харавина* (194), *кайф* (204), *коротенка* (213), *заедки* (262), *удивленная 'испуганная'* (272), *котляна* (285), *уножье* (290), *лайда* (287), *сулой* (315).

Другой способ раскрытия значения диалектного слова состоит во включении в текст на достаточно близком расстоянии литературного с и н о н и м а или о б ъ я с н е н и я диалектизма. Например: [*стоскнулось* – взгрустнулось] (198), [*в голомень*, в открытом море] (193), [*сырые рады* – болотины] (170), [*дуплё* – бересто] (170), [*кляпцы* – деревянные капканы] (153), [*домовице* сколотить – гроб сколотили] (100–102), [*в окутках*, в старом тряпье] (144), [*жальник* – кладбище] (в причитании "не убойся ты прекрасного кладбища") (128), [*кутило* – остро заточенное копьё] (297), [*вода с мороза прееет, киснет вода-то* – красная пахучая вода, рыжая дурно пахнущая вода] (138, 152), [*собачьи чулки* – *липты*] (297), [*тинки* – клыки (моржа)] (297), [*калтусинка* – лесное болотце] (228), [*ласты* – *катары*] (296), [*из пятника* – круглой дыры в стене] (157), [*отбивала полотно, чикая оселком по лезвию горбуши*] (227), [*тянут полотно* сквозь дерево... – усердно тянет пилу] (182), [*ведром смолы вымазал* – *смоль* не пондравилась] (230), [*лонись* – о прошлом годе] (274), [*земля молонью вытятат* – *выманит* ее] (122), [*выбирали навалухой*, всем скопом навалившись] (233), [*у турка* – бревна печного, где висел рукомойник] (185), [*на подводных камнях* – *лудах*] (288), [*игровая волна* – *толкунец*] (289), [*катище*, высокая ледяная гора] (187) и др. Но и при использовании синонимов может остаться неясность относительно значения диалектного слова. Ср. описание цинги: [*плюнул... одна чернота* со рта... десны распухли, *кровь* идет... а на Крещенье и *руда* изо рта хлынула] (100). Слово *руда*, по Далю, означает и 'кровь' и 'грязь, чернота', поэтому неясно в каком значении выступает *руда* в приведенном контексте.

Обе формы предпринятого автором раскрытия значения диалектного слова (сноска, синоним) указывают на то, что при написании текста автор контролировал переключение кода как переход от литературной формы языка к диалектной и наоборот. Однако такой контроль может утрачиваться, поскольку диалектная форма ассоциируется у автора с ресурсами материнской речи и тем самым с отсутствием затруднений в их понимании. Этому способствует и то, что в целом между русским литературным языком и диалектами нет настолько глубоких различий, что можно было бы ожидать затруднений во взаимопонимании между носителями этих форм языка. Как известно, "сходные системы норм труднее разграничить, чем сильно различающиеся" [Вайнрайх 1972: 31].

¹ Указание на страницы в романе далее даются в скобках.

В результате ослабления авторского контроля за конкурентной диалектной и литературной лексикой текст романа В. Личутина насыщен диалектными словами, значение которых читатель/переводчик должен определять без помощи автора. В некоторых случаях этому помогает к о н т е к с т. Например: [все ворота *положила запорами*] (18) = заперла; [на *прибегищах*... не застоялась ли где *мезенская посудина*] (7) = пристань, судно; [река обсохла, *вытончилась* на перекатах] (76) = сузилась; [то был толстой, а тут сразу *вытонял*, кощей кощеём] (100) = похудел; [откликнулся наконец *многорукий брат*] (118) = задумавшийся; [от грязи *взбукосело*] (18) = заскорузло; [отпахнись от отца, дай ему поспать] (86) = отстань; [с узелком по деревне как-то *смутно* идти] (139) = стыдно; [солнце *растеплило* снега] (200) = растопило; [под носом *растеплило*] (152) = потекло; [смертушку свою в *обличье* видел] (100) = в лицо; [стоит *перед очию* будто живая] (100) = перед глазами; [вы тише *шиньгайте*] (86) = шумите; [хоть бы коровушку мою не *сронило*] (45) = убило; [городил Яшка, но все *рядом с правдой*] (165) = похожее на правду; [*совсем* боле смешат люди] (161) = гораздо больше; [тебя мать *тешит*.. а *тешной*, что до времени рожонь] (79) = баловать, избалованный и др.

Однако в романе очень много слов, значение которых можно узнать, только обратившись к д и а л е к т н о м у с л о в а р ю. Например, из Словаря Даля можно узнать значение слов: *говоря* 'речь' (6), *поплавни* 'сетки для семги' (168), на плечи *вызняться* 'взобраться' (23), *силаь скать* 'сучить силки' (54), *дивно* взяли 'много' (27), *дивный* мороз 'сильный' (139), *взаболъ* 'вправду' (230), *кожа* ревит 'стадо моржей' (296), *пѣтаться* 'маяться' (176), *утельга* 'тюленья самка' (100), *назлить* 'надерзить' (97), *отбивной* парень 'озорной' (97), *притвор* двери 'полотно двери', т.е. собственно 'дверь' (14), *ободверина* 'косяк' (постоянно), *приглубое* место 'глубина близ берега' (286), *отмелое* место 'мелкое' (300), *корга* 'каменистый отлогий берег' (296), *лывы* 'земля мокрая от дождей, родников' (83), *шар, шарок* 'пролив' (57, 63), рукавицы *ровдужные* 'замшевые' (5), *затин* 'орудие для ловли морского зверя' (300), *заворы* 'ворота в заборе' (256), *кабат* 'широкая рубаха сверх кафтана' (168), *нодья* 'костер на ночлеге в лесу' (146), [*опруживал* возок на один полоз] 'кренил' (131), *воронец* 'полки в избе вокруг стен' (195), *шолнуша* 'место у печи' (141), *ознице* 'ночной костер в поле' (227, 229), *покрутчик* 'снаряжаемый на промысел' (194), *однополенные* дрова 'десяти-вершковыи' (194), охотничий *скрад* зверя 'выслеживание' (328) и др.

В то же время объяснение, данное в Словаре Даля, может и не подходить к использованию диалектного слова в романе. Так, *сузѣмы, суземье* по Далю 'дремучий непроходимый лес, без дорог'. Но в романе эти слова ассоциируются и просто с понятием 'лес' – [и даже лошадью забирались в *суземье*, но сей год *лес* стоял в снегу] (145); [ехали *суземьем*] (272). Слово *окончина*, по Далю, 'стекло в окне', но в [постучал в боковую *окончину*] (292) это, скорее, 'окно', а в [*окончину*, крытую бычьим пузырем, вставлял в проем] (255) – 'рама'.

Многие диалектные слова, включенные в роман, отсутствуют в Словаре Даля и узнать о них можно в СНРГ (Словарь). Это – *буино* 'навес на лодке' (193), *бывати/бат* 'ведь' (53, 151), [*борода вехтем*] 'мочалкой' (56), *варница* 'приспособление для варки пицци в поле' (112), *на гузне* 'верхняя площадка на ледяных горах' (188), [*гиган*... сделал] 'гигантские шаги' (99), *забереги* 'осенний лед вдоль берега' (328), *печищане* 'односельчане' (206), *пѣхать* 'толкать' (81), [*повергла* в своей толще морская пучина] 'убила' (316), *на полуводе* 'на средней воде' (103), а по картотеке АОС *полувод* 'меж отливом и приливом', *олабьши* 'лепешки' (183), *засторонок* 'место на русской печи' (42), *захалеешь* 'заболеешь' (51), [самой *думно* стало] 'тревожно' (178) и др. Расхождение между значением слова в романе и его толкованием в СНРГ: в словаре *кунды* 'лыжи не подбитые оленьим мехом' а в романе наоборот – [*лыжи* – *кунды*... подбиты камусами – шкурами с лосиных ног] (155); *натуристый* в словаре 'смелый' упрямый', а

в романе 'взрослый, серьезный' – (ребенку) [у тебя и рассуждение все *натуристое*] (69), [сколь паренек *натуристый*] (211). Выражение в *худых душах* означает по Далю 'быть при смерти', у Подвысоцкого то же и еще 'чуть жив' (именно такое значение в [вырвалась в *худых душах* и долго приходила в себя] (232)), но в романе и 'быть грустным' – [они замолчали... расстроенные, в *худых душах*] (119).

Употребление в художественном тексте слов, значение которых не вполне адекватно воспринимается читателем, снижает эффект коммуникативной связи между автором и читателем. В этом плане особую ситуацию создают слова, 1) варьирующие значение в тексте и 2) внешне, но не по значению совпадающие с литературным словом. При употреблении таких слов особенно вероятно неполная ясность смысла текста для читателя. Ср. следующие примеры.

Глагол с корнем *руш* – имеет значение: 'погубить' – [чтобы не завязалась нечисть и не *порушила* стадо] (202); 'разрушить' – [стараясь *порушить* дряхлое житье] (210); 'резать' – [*разрушила* на длинные ломти] (о хлебе) (90); на этом фоне не вполне ясно, что конкретно имеется в виду в [лежащего человека и мышшь *рушит*] (102).

Слова с основой *позор* – означают: 'стыд, позор' – [прилюдно *опозорил*] (6), [до черная *позорная* рубаха] (275); 'мученье' – [*напозорился* я... в леси то] (257), [*позоримся* хуже скотины] (82), [с сенами *напозоришься*, а потом и достать то не знашь как] (96). Поэтому непонятен возглас персонажа перед рыбной ловлей – [Осподи, не дай *напозориться*] (146) – о 'позоре' здесь не может быть речи, а что касается 'мученья', то это как бы само собою разумеется при зимнем лове рыбы; можно думать, что этот возглас синонимичен [Господи, помоги!].

Глагол с корнем *ман* – в романе означает: 'заманить' – [ему бы только баб *блзнить*, да на грех *поманывать*] (175), [мужика во двор *заманит*] (44); 'соблазнять' – [чтобы нечистая сила не *поманывала* девку] (273), [не введи девку в *ман* греховный] (324); 'тянуть' – [лес *манит*] (30), [земля молоною... *выманит*] (122), [на дыбе не *выманят*] (23); 'ждать' – [до утра *доманить*] (8); а в [черт *поманул*] (22) допустимо и 'заманил', и 'попутал'.

Слово *заделье* имеет значение 'конкретная работа' и 'дело, занятость вообще': [увлеклась *задельем*] (55) 'работой' (мытьем полов); [*заделье* из рук валилось] (75) 'работа' и 'дело'; [все какое-нибудь *заделье* сыщут, только бы не идти] (202) 'дело' или 'предлог' (так в СРНГ); [бабы страдали на пожнях, мужики *вели заделье* во дворах] (171) 'занимались делом'.

Слово *угор* чаще всего означает 'высокий берег реки', но и 'пространство вне дома, улица' – [когда спать, когда *на угор* бежать] (58). Параллельно используются слова *берег*, *бережина*. Иногда это 'низкий берег' – [выволакивали на речную *бережину*] (171), [пристань у пологой *бережины*] (329), [у самого *берега*, где и вода-то по щиколотку] (175), а иногда и 'высокий берег', т.е. то же, что *угор* – [*берег* правый, рудяной... навис над левым] (169); кроме того *бережина* означает и 'трава на берегу' – [постоял на угоре, потоптался на *бережине*] (171).

Прилагательное *нажористый* значит 'сытный' в нейтральной речи – [ядреней ешь, *понажористей*] (67), а в эмоционально окрашенной 'обжорливый' – [сколь ты *нажористый*] (159). Можно привести и другие примеры многозначности диалектного слова в романе.

Диалектные слова, внешне совпадающие с литературными, но имеющие другое значение, особенно провоцируют неточность в понимании текста, т.е. семантический дискомфорт. Ср. следующие примеры:

постель 'подстилка' – [в холодных сенях бросила оленью *постель*] (72); [моржи заметались на каменной *постели*] (299), а 'место для спанья со спальными принадлежностями' называется *место* – [присел рядом, глубоко продавив *место*] (244), [хозяйка направила... *место*] (271);

жить 'быть, бывать' – [запах трески *жил*] (7), [в сырых местах, где обычно *живут* сквозняки] (287), [тихая *жила* тайбола] (145); 'сохранять огонь, гореть' – [будет костер *жить* до утра] (146), [угли в полночь малиново *жили*] (184); *заживать* (о воде) 'прибывать при приливе' – [стала вода *заживать*] (168);

закрасить 'покрыть' – [дождь то совсем *закрасил* оконце небесной водой и потомуничегошеньки нельзя на улице выгладеть] (211); *стегать, застегнуть* 'бить, забить' – [застегну собаку] (27), [*стегать* кулаком] (276); *труба* 'свиток' – [сукна две *трубы*] (33); *слышать* 'чувствовать' – [а ты сам-то какво себя *слышишь*] (91); *поднимут с ног* 'собьют' – [убегай... а то *поднимут с ног* и сметут в снег] (188); [*проливные* слезы] (199), но – [дождь *непроходной* лил] (149), [*заливные* дожди] (7); *круто* 'быстро' – [девки ходили *круто*] (221).

В плане расхождения по значению с литературным словом весьма показателен глагол *бежать, бежать* (включая префиксальные формы). Это: 'идти пешком на большое расстояние' – [*побежал* в родную деревушку] (7), [пешком *добежал* до Петербурга] (249), [снарядился и в Кельи *убежал*] (192); 'плавать по воде' – [с радостью бы *побежал* на Матку] (285), [на десятый день... *добежал*] (294) (до Новой Земли), [*сбегал* в море – и пан] (94). В то же время автор не исключает для этого глагола и значения, совпадающего с литературным – [с матрозов *бежал*] (12), [*побежал* прошлой осенью и вот до ныне и *бегаю*] (30), [они *побежали* к реке] (229). В этой связи неясно, имеется в виду 'убегайте' или 'уплывайте' в [в подугорье наш карбасок, в самой потемни и *побегайте*] (126). Значение, отличное от литературного, демонстрирует глагол *пасть* – [шторм *падет*] (194), [хоть бы дождя не *пало*] (95), [карбас на глаза *пался*] (103). В словаре Подвысоцкого для таких случаев дается значение 'настать, наставать', 'попадать'. Но в романе в *мороз падет* имеется в виду его ослабление – [если мороз *падет*, снег закипит-заплавится, обратно легче будет ехать] (146) – только при таком значении слова *падет* можно понять, что *закипит-заплавится* означает 'подтает'. В [лодка мне в сто рублей *палась*] (194) тот же глагол означает 'обошлась, стоила'. Интересна семантика слова *глупый* в романе. Ср. [расчесывала волосы, а сама была словно *глупая*] (273) = без сознания; [рыбалка-то *глупа*, да повезенка. Тут уж как повезет] (150) = проста; [вот на *глупого* удача] (153) = дураку везет; [а ну, на *глупого* удача, отмахнулся Петра] (189) = пустяки, ерунда; [на *глупом* месте выросла] (332) = глупая; а в [потешимся на *глупой* рыбалке] (150) трудной догадаться о значении *глупой*.

Осложняет семантическую идентификацию диалектных слов их включение в синонимический ряд. Так, в романе значение 'темнота, темно' имеют слова *потемь* (42), *потемень* (80), *запотемно* = затемно (13), в *потемени* (306), в *потемни* (126), *темень* (80) *теменище* (118), а в [сразу непроглядные *сумерки* родились] (14) в значении 'темнота' выступает слово, обычно ассоциирующееся с 'полумрак'.

В тексте романа достаточно много слов, значение которых не явствует из контекста, а в словарях их нет. Например: [*стоконогие* жеребцы] (42) – ясно лишь, что это бранное слово; [сумеет ли выступить, сумеет ли *гунушки* сделать] (216) – ?; *ворзя* (115) – ?; [парень веселый *верховой*] (28), [*верховой* мальчишка] (9) – у Даля и в АОС 'с верховьев реки', но это значение не подходит, здесь, скорее 'ловкий' (?); [двери распахнула, наставила *поддверки*, чтобы мороз не валил низом] (157) 'нижние дверцы' (?); [над суземьем разлилось багровое *пожарище*] (137) – не 'место после пожара', вероятно, 'закат' (?); [вылитый Степанко и волос егов, и губы, и *похмычки*] (67) 'мишка', 'усмешки' (?); [губы по-детски распустил, широкие, *неприбранные*] (11) 'пухлые' (?) и др. Как иллюстрацию потребности в переводе, можно привести такой фрагмент: [рукавицы *исподки* вязанные с одним *пакулем* для *толстого* пальца] (153) = букв. 'одеваемые под кожаные рукавицы нижние вязанные с одним чехлом для большого пальца', т.е. по-просту 'нижние варежки'.

Наряду с лексикой в язык романа включены элементы диалектной м о р ф о л о г и и ф о н е т и к и. Проблем с семантической идентификацией они не создают, но определенно усиливают диалектную окрашенность языка. Эффективным средством в этом плане является префиксация глаголов. Как в речи персонажей, так и автора представлены глаголы, отличающиеся приставкой от аналогичных по значению глаголов литературного языка.

Различие в качестве префикса: *не замогу* (138) = смогу; [не даст корочки *зажевать*] (139) = пожевать; [жизни *не зажалеть*] (276) = пожалеть; [что было – *приели*] (99) = съели; его *проследили* (230) = выследили; [про дороги *вызнать*] (325) = узнать; [всю мачеху *приругал*] (291) = изругал; [всю-то дорогу *вымолчал*] (127) = промолчал; [каково *разживались* без меня] (85) = поживали и др.

Глагол с префиксом при безпрефиксным или с меньшим количеством префиксов литературном эквиваленте: [уже *запотемнело*] (15), [*принагнул* ухо к двери] (20), [пошто девок *забижаеть*] (53), [отцу *проскажешь*] (14), [не один раз *спокаешься*] (98) [тебе *спонадобитя*] (44), [на острове одному *пооставаться*] (103), [всякий меня *пообидит*] (47), [на пару *упромышляли*] (27), [*разнаоставлять* юбку] (45). Обратное соотношение, т.е. префикс в литературном слове и отсутствие его в диалектном: [стрелил я гуся] (102) = застрелил; [вдруг и *скочил*] (101) = вскочил; [зорил полевой амбар] (34), [*лыбитя* он] (13).

Диалектная специфика проявляется в видовой характеристике глагола. Например: [за што ты меня *обидишь*] (28) несов. вид, возможно инфинитив *обидить* как *водить*; [куда же он *девается*] (13), [на Печору *деваюсь*] (10) = денется, денусь; [вы *послышьте*] (6) сов. вид в м. послушайте; [двери *схлопали*] (55) = хлопнули. Значение несом. вида часто подчеркивается суффиксом *-ив/-ыв*: [ночами не *сытывал*] (138), [я *промышляивал*, не один сезон *стаивал*] (102), [*прижаливал*] (10), [в бедности не *живала*] (32).

Среди диалектных глагольных форм можно назвать инфинитив *помогчи* (277), *секчи* (110), *ести* (304), *сести* (91), императив – [хоть топор *весь*] (30), [*побоись* Бога] (34), [*льни...* водицы] (78), [заместо меда *мажи*] (205).

Вменной парадигме диалектные флексии представлены только в языке персонажей. Это: дат.-местн. ед. сущ. на *-а* как род. ед – *во главы* (288), *в расправы* (25), *в Николы* (32), *на госьбы* (151), [на *деревни* обкостят] (19), *к дяди* (305); собирает. форма в значении им. мн. – *косье* (132), *волосье* (117), а также *мужовья* (321), *братовья* (165); им. ед. на *-о* сущ. м. р. – *дедо* (30), *батушко* (35), *хозяйнушко* (318), *Владимерко* (203), *Степанко* (67), *Михейко* (135); род. ед. *-у* сущ. ср. р. – [с *морю* пришел] (127). Варьирование рода – *тать* какой (14), *тать* лесная (28). Варьирование формы им. ед. *мати* – *матерь* – *мать*.

В местоименной парадигме часто и преимущественно в языке персонажей используется безударная флексия им. ед. м. р. *-ой* (вм. литературной *-ый*): *богатой*, *виноватой* (311), *брюхатой* (105), *неразумной* (328), *безъязыкой* (80), *вонькой* (163). Не исключена ударность флексии в – *старой* (13), *дикой* (23), *смелой* (228), *глупой* (328), *частой* (148), *душиной* (153).

Диалектные формы местоимений: *с има* (32), *над всема* (51), *меж има* (288), а также *нам двоима* (243). Весьма распространены неопределенные местоимения со вторым компонентом *ли* (без дефиса): *чего ли* (192), *которого ли* (62), *где ли* (117), *каку ли бабу* (128), *как ли* (195), *сколько ли* (237) и др. Но *ли* употребляется и в нормативном значении (*это ты что ли?* с. 29), что усложняет ссмантику морфемы.

Только в язык персонажей включен такой диалектизм, как членная форма. Ее репрезентуют им. ед., редко им. мн сущ. м. р., редко вин. ед. сущ. ж. р., им. мн именных прилагат: *кови-от* (20), *сам-от* (216), *пень-от* (224), *ум-от* (227), *грех-от* (232), *сколь велик-от* (172), *глаза-ти* (51), *густы-ти* (43), *молоды-ти*, *стары-ти* (51), *за жизнь-ту* (288), *лошадь-ту* (88).

Специфически диалектной является конструкция без отрицания при глаголе – *а не што и нажил* (191), *никто и велел ехать* (296); *потреблять* без прямого объекта – [который день *не потреблял* кроме лешевой еды] (338); отсутствие возвратной частицы – [не знал на что *решишь*] (271), [что *поблазнит*] (11); им. ед. в значении объекта – *навина пахать* (90).

Элементами диалектной фонетики автор время от времени окрашивает речь персонажей. Это: стяжение в результате утраты интервокального *й* в прилагательных и глаголах – *золота* (320) *деревянна* (44), *како-то* (49) *дики, темны, глупы* (51), *хорошу тренку* (229), *лугат* (35), *приласкат* (68), *опоздашь* (286), *не примат душа* (26) и под.; *шс* → *сс* в возвратной форме 2 л.ед. глаголов – *боишься* (13), *бросаеессе* (57), *ерепениссе* (81), *покаеесся* (221), *обойдессе* (19), *вернессе* (308) и др.; как видно из примеров, изменение *а* → *е* в морфеме *-ся* то показано, то нет; это же изменение гласного показано в *блеть* (222); согласный *в* в местном. флексии род. ед. м. р. – *недопеченова, горячева, мяккова* (61) и др.; твердость долгого шипящего согласного – *таишвы* (70), *пушише* (83), *ружжо* (165) *дожжа* (95), но и *пуще* (89), *ружье* (325), *работяца* (19); напряженность смычного согласного перед аффрикатой – *ругатца* (223), *осердчал* (69), *от протчих* (177), *лучче* (248); прогрессивное смягчение *н* – *я больней* (97), она *рукодельня* (128); упрощение консонантных сочетаний – *корщик* (98) и *кормщик* (178), *госьба* (151); фонетика отдельных слов – *тепере* (35), *хрен с нимо* (69), *здесе-ка* (317), *воно они воно* (118), *послушный нынь* (265), *ледина* (99), *с потолка* (103), *нажоралась* (103), *жори* (159) *Осподи!* (постоянно).

Фрагментарный анализ включения диалектизмов в язык романа В. Личутина показывает следующее.

Автор достаточно определенно проводит границу между диалектом и литературным языком в формальной сфере грамматики (морфология, фонетика). Диалектные вкрапления этого типа допускаются в основном только в языке персонажей. На семантически значимом уровне языка (лексика, словообразование) дистанцированность диалекта от литературного языка присутствует не всегда. Это выражается в том приоритете, который достаточно часто отдается диалектной лексике в языке автора. Привязанность автора к диалектизмам вызывает неоднозначную оценку.

Архангельские говоры, будучи составной частью русского языка, являются одним из феноменов национальной культуры. Своеобразие лексики, часто архаичной, отражает реалии разных сторон народной жизни русского Севера, который традиционно ассоциируется с богатыми проявлениями русской национальной культуры. Можно понять стремление автора распространить знания о жизни русского Севера за пределы этого региона. Реализация этого намерения как нельзя больше способствует художественный текст, написанный с использованием элементов севернорусского диалекта.

Препарирование художественного текста с целью выделения в нем диалектизмов – это компетенция лингвиста. Онтологически же художественный текст является целостным образованием и, будучи опубликован, он во всех своих компонентах репрезентует современное состояние литературного языка. Включение диалектных фрагментов в художественный текст возможно только потому, что это допускает современная литературная норма, и в этом можно видеть элементы влияния диалектной формы языка на литературную. Следует подчеркнуть, что между влиянием диалектов на литературный язык и влиянием литературного языка на диалекты имеется принципиальное содержательное различие. Влияние литературного языка проявляется в замене диалектных явлений литературными, т.е. в сокращении собственно диалектных ресурсов идиома. Влияние диалектов не ведет к замене компонентов литературного языка диалектными – в этом случае происходит включение диалектных элементов в ресурсы литературного языка.

Но использование диалектизмов в литературном тексте имеет и другую сторону. Диалектизмы, став компонентом художественного текста, не должны вызывать реакцию отторжения у читателя. А для этого они должны быть понятны. Ср. в этой

связи замечание В.В. Виноградова: "...язык подлинно художественного произведения не может далеко отступать от основы общенародного языка, иначе он перестает быть общепонятным (относительно свободные отходы от общенациональной языковой нормы возможны для художественного произведения лишь в области лексики)" [Виноградов 1954: 12]. Как показано выше, привязанность автора к диалектной лексике сопровождается его имплицитной уверенностью в ее общепонятности. Между тем довольно часто для расшифровки значения приходится привлекать словари. Надо полагать, что обычный читатель романа такими подручными средствами не всегда располагает, а возможно, и не захочет ими воспользоваться. В еще большей степени проблема значения диалектных слов, а отчасти и форм, встает при переводе с русского языка, когда идентификация значения слова/текста должна быть однозначной. Автор, включающий диалектизмы в художественный текст, должен корректировать свой языковой опыт, подавая диалектизмы так, чтобы они были понятны читателю. Способы для этого, как показано выше, могут быть разными.

Недостаточно последовательное разграничение систем диалекта и литературного языка эксплицирует языковую компетенцию, при которой индивидуум "располагает менее чем двумя, хотя и более чем одной системой" [Хауген 1972: 62]. Освоение такой языковой компетенции предлагает читателю художественный текст, содержащий диалектные включения. Читатель может откликнуться на это предложение, а может и отвергнуть его. Однако, если учесть, что печатный художественный текст – это постоянная величина, воздействие которой не ограничено временными рамками, то с большой вероятностью можно ожидать, что такой текст будет способствовать включению в языковой опыт все большего числа читателей идеи, согласно которой диалектизмы обретают статус допустимых компонентов языка литературного произведения.

Расширение выразительных средств литературного языка за счет ресурсов территориальных диалектов косвенным образом отражает демократизацию использования языка в обществе. Как заметил Е. Хауген, "диалект – это язык, который не добился признания" [Haugen 1976: 157]. Определенный вид такого признания возможен при ослаблении контроля за языковым поведением в обществе. В этих условиях диалектные формы языка могут претендовать на включение в языковую картину литературного произведения. Терпимость к диалектизмам стала особенностью современного русского литературного языка в тех жанрах, которые связаны с описанием реалий сельской жизни. Это означает, что в современной ситуации русские диалекты не только реагируют на воздействие со стороны литературного языка, но и сами влияют на него. Влияние проявляется на уровне узуса, не имеющего в кодификации коррелятов – включение диалектизмов в художественный текст допускается, но конкретные правила этого включения не прописаны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Астафьев В* 1988 – Зрячий посох. М., 1988.
Вайнрайх У 1972 – Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. VI. М., 1972
Виноградов В В 1954 – Язык художественного произведения // ВЯ. 1954. № 5.
Горький М 1953 – Собр. соч. Т. 27. М., 1953.
История... 1961 – История русской диалектологии. М., 1961.
Маслов В 1983 – Крень. М., 1983.
Соксюр Ф. де 1990 – Заметки по общей лингвистике. М., 1990.
Филин Ф.П 1938 – Исследования по лексике русских говоров. М.; Л., 1938.
Хауген Э 1972 – Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. VI. М., 1972.

Шерба Л.В. 1915 – Восточнолужицкое наречие. Пг., 1915.

Шерба Л.В. 1974 – Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Haugen E. 1976 – Dialekt, Sprache, Nation // Zur Theorie des Dialekts. Wiesbaden, 1976.

Словари

АОС – Архангельский областной словарь. Вып. 1. М., 1980 – Вып. 9. М., 1996.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978–1980.

Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия. СПб., 1885.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 2. М.; Л., 1966. – Вып. 29. СПб., 1995.